

Звезды сегодня выглядят совсем иначе.

Дэвид Боуи.

*Странное космическое
путешествие, 1969*

ОДИН

Я шел вдоль медлительной Сены
Со старою книгой в руках
Тягуча как боль от измены
Меня омывала река.

Гийом Аполлинер. Мари

Начну с дерева. Ведь с дерева все начинается и деревом все заканчивается. Это самое большое дерево. Его посадили раньше других. Точный возраст я не знаю. Может, три, может, четыре сотни лет. Оно очень старое и очень сильное. Оно выдержало страшные бури, его рвали с корнем остервенелые ветра. Оно стойкое.

Дерево не похоже ни на одно другое. У него свой собственный ритм жизни. Весна начинается для него тогда, когда все его собратья уже в цвету. Приходит апрель, и на верхних и средних ветках появляются новые листочки. А внизу оно кажется мертвым. Узловатое, серое, безжизненное. Оно любит притворяться мертвым. Это такая хитрость. И вдруг — словно бурный взрыв, все почки раскрываются. И дерево торжественно стоит в своей светло-зеленой короне.

Когда я наверху, никто не может меня найти. Безмолвие не беспокоит меня. Да это и не совсем безмолвие, ведь оно населено множеством негромких звуков. Трепет ветра. Жужжание пчелы. Стрекотание сверчка. Хлопанье птичь-

ТАТЬЯНА ДЕ РОНЭ

их крыльев. Когда мистраль начинает мести долину, ветки завывают, как морские волны. Сюда я приходил играть. Это было мое царство.

Эту историю я рассказываю сегодня в первый и в последний раз. Я не слишком в ладах со словом, ни с устным, ни с письменным. Когда я закончу, то спрячу эти листки в какое-нибудь место, где их не найдут. Никто не знает. Никто не узнает. Я запишу эту историю, но показывать ее не буду. Она так и останется на этих страницах, как пленница.

«И вот так уже две недели», — равнодушно бросил Линдену водитель такси. Дождь лил стеной, поглощая дневной свет, словно серебристый, шуршащий занавес. Было всего десять часов утра, но казалось, уже настали пропитанные сыростью сумерки. Водитель сказал, что ему хочется сбежать из Парижа навсегда в милую его сердцу солнечную Мартинику. К тому времени, когда машина, оставив позади аэропорт Руасси, выехала на автостраду и медленно, застревая в бесконечных пробках, добралась до окружной дороги, Линден уже не сомневался: шофер прав. За стеклом проплывали промокшие пригороды, мрачное скопление квадратных построек, украшенных яркими неоновыми вывесками, мерцающими в струях вселенского потопа. Он попросил шофера включить радио, и тот отметил его прекрасный «для американца» французский. Линден улыбнулся вымученной улыбкой. И так каждый раз, когда он приезжает в Париж. Он объяснил, что, вообще-то, он американец французского происхождения, родился во Франции, отец француз, мать американка, и бегло разговаривает на двух языках с самого детства.

Неплохо, да? Шофер стал перебирать кнопки радио, вообще-то, месье выглядит как самый настоящий американец: высокий, крепкий, джинсы, кроссовки, не то что эти чопорные парижане — костюм-галстук.

В новостях говорили только про Сену, Линден слушал диктора под скрип дворников, которые вели неравную битву с потоками ливня. Вода, прибывающая с 14 января — вот уже пять дней, — дошла до лодыжек Зуава. Линдену, разумеется, было хорошо известно, что огромная статуя у опоры моста Альма традиционно отмечает уровень Сены. В 1910 году, во время рекордного — такие бывают раз в сто лет — наводнения Зуав ушел в воду по плечи. Шофер вздохнул: реке ничего не помешает выйти из берегов, природа всегда побеждает, не надо пытаться ее укротить, она таким образом выражает свое возмущение. Пока такси медленно продвигалось в потоке машин, а дождь без остановки барабанил по крыше, Линден вспоминал текст письма из отеля, которое получил по электронной почте во вторник: «Уважаемый господин Мальгард, мы будем рады принять вас с пятницы, 19 января по воскресенье, 21 января (выезд вечером, как вы просили). Ввиду подъема воды в Сене движение транспорта в Париже может быть затруднено, но, к счастью, отель „Шаттертон“ расположен вне затопляемой зоны, и, надеемся, у вас не возникнет проблем по приезду. Хотя, по мнению префектуры, в настоящий момент нет причин для беспокойства, мы считаем своим долгом

предупреждать клиентов. В случае возникновения каких-либо проблем мы всегда будем готовы вам помочь. С глубоким уважением».

Линден прочел письмо в аэропорту Лос-Анджелеса, откуда должен был вылететь в Нью-Йорк, где ему предстояло фотографировать какую-то английскую актрису для журнала «Вэ-нити фэйр». Письмо он переслал своей сестре Тилье в Лондон и матери Лоран в департамент Дром: предполагалось, что они приедут в Париж в пятницу. Отцу он ничего пересылать не стал, Поль признавал лишь бумажные письма и открытки. Ответ сестры, который он смог прочитать, приземлившись в аэропорту Джона Кеннеди, заставил его улыбнуться: «Наводнение? Что? Опять? Помнишь то жуткое наводнение в ноябре? А в июне 2016-го? Мы несколько месяцев готовили этот чертов уик-энд, а теперь?» Вместо подписи она поставила кучу злобных смайликов. Затем пришел ответ матери им обоим: «Если нужно будет, я приплыву на корабле, отцепив вашего отца от его деревьев. Наконец-то собратья вместе! Эту семейную встречу отменять нельзя ни в коем случае! Увидимся в пятницу, мои дорогие!» Семейство Мальгард запланировало встретиться в Париже, чтобы отметить семидесятилетие Поля, а заодно и сорок лет их брака с Лоран.

Когда Линден в четверг вылетел из Нью-Йорка в Париж, его силы были уже на исходе. Два последних дня выдались весьма насыщенными, а до этого он несколько недель мотался по всему свету, работая по договорам. Ему бы

хотелось вернуться в Сан-Франциско на свою Элизабет-стрит, к Саше и их кошкам. Последнее время они почти не виделись: его агент Рашель Йелланд была весьма энергичной и добывала ему контракты один за другим. После безумной скачки по миру он находился в состоянии крайнего истощения и мечтал о передышке. Но маленькому синему домику в Ное-Вэлли и его милым обитателям придется подождать, пока закончится семейный праздник. «Только вчетвером», — настаивала мать, когда несколько месяцев назад бронировала отель и заказывала ресторан. Ему не терпится их всех увидеть? — задавался он вопросом, когда самолет шел на посадку. Им так редко выпадала возможность побыть «только вчетвером» с тех самых пор, когда он, едва ему исполнилось шестнадцать, покинул отчий дом в Венозане. С отцом и матерью он виделся раз-два в году, а с сестрой — каждый раз, когда приезжал в Лондон, то есть довольно часто. Почему же это «только вчетвером» на сей раз и успокаивало его, и тревожило?

Во время перелета в Париж Линден читал «Фигаро» и проникся мыслью, что ситуация и в самом деле внушает опасения. Начиная с конца ноября взгляды парижан были прикованы к ногам Зуава. К счастью, благодаря современным технологиям наводнение можно было спрогнозировать за три месяца, так что на эвакуацию времени оказалось достаточно. Но сегодня проливной дождь не ослабевал. Вода

в реке начинала подниматься, причем с угрожающей быстротой.

Преодолев несколько пробок под истеричные оповещения по радио, такси наконец переехало Сену по мосту Согласия. Дождь не ослабевал, Линдену с трудом удавалось разглядеть реку, он отметил лишь, что бурные потоки вспенились как-то необычно. Автомобиль медленно продвигался по бульвару Сен-Жермен, затем по бульвару Распай и остановился на перекрестке Вавен перед отелем «Шаттертон». Выскочив из машины, он метнулся ко входу в отель, но хватило даже этих нескольких секунд: потоки воды сплющили его русую шевелюру, затекли за воротник, пропитав водой всего целиком, до самых носков. Ледяной холод окутал его и не отпустил, даже когда он зашел в холл. Девушка-портье приветливо улыбнулась. Дрожа всем телом, с мокрыми волосами, он, улыбнувшись в ответ, протянул ей свой французский паспорт — у него было два паспорта — и учтиво кивнул, услышав: «Добро пожаловать, господин Мальгард». Да, сестра приедет позже поездом «Евростар», а родители — скорым из Монтелимара. Нет, когда именно, он не знает. Его предупредили, что поезд из Монтелимара прибудет на вокзал Монпарнас, а не на Лионский, который закрыт из-за угрозы наводнения? Нет, не предупредили. Но вышло даже лучше: вокзал Монпарнас в пяти минутах от отеля «Шаттертон».

Девушка, на бейдже которой значилось имя Агата, вручила ему паспорт и ключи и призна-

лась, впрочем, довольно равнодушно, что восхищается его работами и счастлива принимать его в отеле. Он здесь тоже по делам, на Неделю моды? — поинтересовалась она. Поблагодарив ее, он покачал головой, объяснив, что здесь не по работе, у них семейная встреча, и в ближайшее время он не планирует никаких съемок, а просто собирается отдохнуть. С собой у него только один аппарат, старая любимая «лейка», — добавил он, — вся техника осталась в Нью-Йорке, у агента, а здесь он собирается фотографировать разве что родителей и сестру. Неделя моды вообще не стоит на повестке дня, он с удовольствием отдохнет от напыщенных моделек, дефилирующих на высоких шпильках, и вообще от этого мира моды в блесках и стразах. Девушка прыснула. Она слышала по телевизору, что если Сена будет подниматься с такой скоростью, Неделю моды вообще придется отменить. Теперь уже рассмеялся Линден. Причем не без злорадства, потому что понимал: отменить Неделю моды, открытие которой запланировано на завтра, было бы настоящей катастрофой — столько потрачено усилий, денег и времени. Затем девушка почтительно упомянула имя его отца: как приятно принимать в отеле знаменитого Арбориста, Линден даже умилился, как пылко это было произнесено. (Она не догадывалась, как ненавидит отец это слово, которое ему кажется смешным и нелепым, и как нелегко нести ему бремя известности.) Господин Поль Мальгард — в высшей степени уважаемая личность, — продолжала

она, — его борьба за спасение редких пород деревьев во всем мире заслуживает восхищения. Он счел необходимым предупредить ее, что отец очень застенчивый человек — не то что его развязный болтливый сын, — зато она получит удовольствие от общения с матерью, вот это настоящая звезда в их семье, и с сестрой Тильей Фавелл, тоже весьма занятная особа.

Его комната на пятом этаже, выходящая окнами на улицу Делаамбр, оказалась очень уютной, удобной и мило мебелированной, в кремовых и сиреневых тонах, разве что немного тесноватой. На столе корзинка со свежими фруктами, бутылка шампанского, шоколад, розовые лепестки и приветственное послание от директрисы Мириам Фанрук. Линден вспомнил, что мать выбрала «Шаттертон» еще два месяца назад, когда ей только пришла в голову мысль отметить эту двойную годовщину. «Шаттертон» описывался как «маленький очаровательный отель в самом сердце Монпарнаса», и отзывы на Трипэдвайзере были вполне благожелательными. Организационными вопросами она занималась сама, и Линден предпочел даже не вмешиваться. Билеты на самолет он купил несколько недель назад, когда более или менее прояснились его планы, что для фотографа, работающего по контрактам, было почти подвигом. Лоран также выбрала ресторан, куда они все завтра отправятся ужинать. Ресторан «Вилла роз», удостоившийся в мишленовском гиде одной звезды, находился на улице Шерш-Миди за отелем «Лютеция».

Почему все-таки Париж? — задавался он вопросом, разбирая небольшой чемодан и вешая на плечики зеленый бархатный костюм, который собирался надеть завтра вечером. Тилья обосновалась в Лондоне с дочерью и вторым мужем, искусствоведом Колином Фавеллом, Лоран и Поль жили в Венозане, в департаменте Дром возле Севраля, а он с Сашей в Сан-Франциско. Так почему же Париж? У родителей с Парижем ничего не было связано. Или было? Линден размышлял над этим, развешивая влажную одежду и потом с наслаждением стоя под горячим душем. Он знал, что родители встретились в Гриньяне в то необычно жаркое лето 1976 года, когда Поль работал ландшафтным дизайнером в окрестностях городка. Они с Тильей знали эту историю наизусть. Лоран, которой только исполнилось девятнадцать, приехала тогда во Францию в первый раз вместе со своей сестрой Кэндис, старше ее на два года. Они родились и выросли в Бруклине, недалеко от Бостона, и в Европе никогда не были. Начали они с Греции, затем поехали в Италию, потом во Францию через Ниццу, Авиньон и Оранж. Останавливаться в Дроме они сначала не собирались, но поскольку было слишком жарко, чтобы продолжать путь, они решили переночевать в Гриньяне в маленькой уютной гостиничке. Под вечер этого душного дня сестры сидели, потягивая прохладное розовое, на площади у фонтана под статуей величественной госпожи де Севинье, чей громадный замок поднимался на вершине холма, когда за

рулем своего грузовичка с прицепом появился Поль. На нем был линиялый комбинезон, который он носил с таким щегольством, с каким Стив Маккуин носил форму гонщика, мятая соломенная шляпа, в углу рта болталась сигарета. Лоран следила взглядом, как он паркует грузовичок и выгружает оттуда горшки с кустами, собираясь отнести их в магазин по соседству. Он был среднего роста, широкоплечий и мускулистый, а когда снял шляпу, вытирая потный лоб, она увидела, что волос у него почти нет, только легкий пушок на затылке. Почти лысый, а ведь совсем молодой, нет и тридцати, так ей показалось. Кэндис спросила, почему она так уставилась на этого типа в комбинезоне, а Лоран прошептала: «Ты только посмотри на его руки». Удивленная Кэндис ответила, мол, руки как руки, ничего особенного, но Лоран, словно в трансе, повторяла, что никогда не видела, чтобы человек так нежно обращался с растениями. Их отец, Фицджеральд Винтер, был в свое время садовником, как и мать, Марта. Девушки выросли в зеленом квартале Бруклина, возле Фишер-Хилл, жители которого много времени проводили в своих садах и тщательно ухаживали за розовыми кустами — с секатором в одной руке и лейкой в другой. Но этот человек был совсем другим, Лоран не могла отвести глаз от его сильных загорелых пальцев, она любовалась, как он склоняет голову, рассматривая цветок, как ласкает стебли и бутоны каждого растения, которое переносил из грузо-

вичка, обхватив его уверенно и в то же время очень осторожно. Наверное, Поль почувствовал этот настойчивый взгляд, потому что в конце концов поднял голову и увидел сестер, сидевших в нескольких метрах от него. Хотя Кэндис тоже была очень красивой, внимание отца привлекла именно Лоран, ее ноги, длинные волосы, миндалевидные глаза. Он подсел за их столик и молча протянул ей маленькое оливковое деревце в горшке. Лоран очень плохо говорила по-французски, а Поль вообще не знал английского. Кэндис лучше владела языком, чем сестра, она переводила, но они едва ее замечали: просто голос, подбиравший нужные слова. Его зовут Поль Мальгард, ему двадцать восемь, и живет он в нескольких километрах отсюда, возле Севраля, по дороге в Ньон. Да, он любит растения, особенно деревья, у него есть прекрасный дендрарий в Венозане. Может, она согласится на него взглянуть? Он может ее туда отвезти, она не против? К сожалению, завтра они уже уезжают в Париж, затем в Лондон, а в конце лета возвращаются в Америку. Ну, может, она и могла бы остаться чуть подольше, надо подумать... Когда Лоран встала, чтобы позвать протянутую ей руку, оказалось, она выше его на целую голову, но им обоим было на это наплевать. Ей нравились его искрящиеся глаза, скупая улыбка, даже то, как он молчал. «Он, конечно, не такой красавец, как Джеф», — не могла удержаться Кэндис. Джеф — это бойфренд Лоран из Бостона, вполне себе комифо. Лоран лишь пожала плечами. Вечером они

договорились встретиться с Полем у фонтана. Уже взошла луна, а жара все не спадала. Теперь с ними не было Кэндис, чтобы переводить, но они обходились и без нее. Они почти не разговаривали. Из приемника в грузовичке звучал голос Дэвида Боуи, любимого певца Поля, а они, подняв головы к небу, смотрели на звезды, едва касаясь друг друга руками. Джефффри ван дер Хаген был отправлен в отставку. Лоран Винтер так и не поехала ни в Париж, ни в Лондон, и в Бостон в конце этого знойного лета она тоже больше не вернулась. Она отправилась в Венозан и уже не уезжала оттуда.

Линден схватил полотенце, вытерся и натянул халат. Мать решила, что им четверым будет удобнее встретиться в Париже. Наверное, она была права. Она настаивала, чтобы это был «уик-энд без супругов и детей». То есть ни Колина, ни Мистраль — дочери Тильи от первого брака, — ни Саши. «Только вчетвером». Отодвинув занавеску, он смотрел, как дождь хлещет потоком по мокрому блестящему тротуару. Под этим водопадом пробегали редкие прохожие. А мать запланировала на завтра прогулку и музеи. Дождь, конечно, срывал все их планы. В Париже сейчас тоскливый, мрачный день, а в Сан-Франциско три часа ночи. Он представил Сашу: просторная спальня на последнем этаже, разметавшиеся по подушке черные волосы, размеренное тихое дыхание. Звякнул мобильник, и он, подойдя к вешалке, вынул его из кармана куртки. «Ты на месте, парень?» Это было что-то вроде игры: Тилья всегда на-

зывала его «парень», а он ее в отместку «детка». «Я уже у себя в комнате, детка. Номер 46».

Несколько минут спустя в дверь решительно постучали, и Линден пошел открывать. В коридоре стояла сестра, промокшая до костей, со слипшимися волосами, с бровей и ресниц стекали капли дождя. Закатив от восторга глаза, вытянув перед собой руки, она бросилась вперед, раскачиваясь, как зомби. Он рассмеялся. Они обнялись, и, как всегда, она оказалась рядом с ним такой миниатюрной, маленькой, но крепкой, она вообще была очень похожа на их отца: широкие плечи, квадратная челюсть, синие удивленные глаза.

Каждый раз, когда Линден и Тилья встречались, они поначалу не знали, на каком разговаривать языке. С детства они говорили с матерью на английском, с отцом на французском, а между собой общались на своеобразной смеси того и другого, этаким франглийском, который посторонних приводил в замешательство. Тилья вытерла волосы полотенцем, затем высушила феном. Линден обратил внимание, что она пополнела с тех пор, как они виделись в последний раз, это было в самом начале лета, когда он ненадолго приехал в Лондон. Но эта полнота сестре даже шла, она придавала Тилье женственность, которой ей порой не хватало. Она всегда была сорванцом, этаким парнем в юбке, лазила по деревьям, играла с деревенскими в петанк, умела свистеть в два пальца и ругалась, как извозчик. Она презирала моду, макияж и украшения, но сегодня на ней были

синие, прекрасно сшитые брюки, сейчас, правда, совершенно мокрые от дождя, куртка в тон, красивые короткие сапожки и золотая цепочка. Он похвалил ее внешний вид, на что она, перекрикивая шум фена, сообщила: «Мистраль». Ее восемнадцатилетняя дочь-студентка, будущий стилист, чей отец был баском, шеф-поваром известного ресторана, заботилась о том, как выглядит мать, и, похоже, ее усилия увенчались успехом. Высушив наконец волосы, Тилья прошла в угол комнаты, включила телевизор: ей хотелось узнать, каков сейчас уровень воды, и Линден обратил внимание, что хромает она сильнее обычного.

Они никогда не вспоминали о той аварии, в которой она пострадала, когда ей было двадцать пять лет. Тилья просто отказывалась об этом говорить. Линден знал, что она чуть не умерла, что левую ногу и бедро буквально собирали по кусочкам, она перенесла несколько тяжелых операций и провела в больнице полгода. Авария произошла возле Арканга, когда она с подругами возвращалась с вечеринки в Биаррице. У одной из девушек через неделю должна была быть свадьба. Они вызвали минивэн с водителем, чтобы спокойно выпить, не беспокоясь об обратной дороге. В три часа ночи они столкнулись с автомобилем, водитель которого гнал, как ненормальный, по крутой извилистой дороге. Четыре пассажирки, их шофер и водитель той машины погибли на месте. Тилья единственная выжила в аварии, о которой тогда много писали и после которой она